

Город и Степь в поэзии Б. Канапьянова 70–80х гг. XX в.

Агибаева Сабина Советовна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Казахстанский университет им. М.Козыбаева (Петропавловск, Республика Казахстан)

Пространство и время являются важнейшими категориями, формирующими пределы человеческой жизни, и, по замечанию д.ф.н. Т.В. Топоровой, определяющими «...все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство» [1, с. 12].

Картина мира, сформировавшаяся в кочевой культуре, имеет ряд особенностей, отличающих ее от мировосприятия представителей «земледельческих» этносов. Как отмечает проф. Б.Г. Нуржанов, «Для кочевника высшей ценностью обладает движение, способность перемещаться, передвигаться, не закрепляться навечно на ограниченной территории. Более ценно все то, что движется, течет, изменяется, превращается, метаморфозируется; а то, что неподвижно, неизменно, вечно, оседло, обладает вторичной ценностью» [2, с. 43]. В связи с этим, бинарная оппозиция «город – степь» оказывается одной из ключевых, философски значимых в художественной системе казахской литературы.

Космос степи, по мнению исследователей, включает в себя ключевые образы-мотивы дороги, постоянного гармоничного движения по кругу – «орбите кочевой», аула – малой родины и юрты как временного пристанища и жилища, максимально близкого к природе. По степени употребительности топоним «степь» – один из наиболее частых в казахстанской лирике. Опираясь на мифологические, фольклорные традиции и опыт мировой литературы, художники слова значительно расширяют семантику этого понятия. Открытое пространство степи осмысливается не только как родина, земля предков, средоточие исторической памяти и культурных ценностей. Это также символ бесконечного движения, свободы, иных форм отношений с окружающим миром.

В поэтическом цикле «Алма-Яблоко» Б. Канапьянова лирический герой-горожанин слышит зов: «Вновь по весне степной простор влечет. / Сажусь в автобус я на маленьком вокзале. / Быть может, люди мне дорогу подсказали, / Быть может, птицы... Я не знаю, кто еще» [3, с. 20]. «Маленький» вокзал противопоставлен степному «простору», и стремление городского жителя выйти за пределы замкнутого пространства оказывается очень сильным. «Здесь улыбаюсь каждому кусту, / Полёт орла я провожаю взглядом», – герой как будто преодолевает внутренние запреты, воссоединяется с утраченным миром. Здесь, в степи, исчезают пространственные и временные границы: «И древний кюй звучит, быть может, рядом, / И – поезда далёкий перестук» [там же].

Однако еще более важным открытием оказывается осознание собственной сущности: «Неприметны следы мои в степи, / Ненадолго трава от них сомнется, / Но жизнь моя курганом обернется... / Там, в глубине, степное сердце спит». «Степное» сердце героя ведёт его к истокам, образ кургана – в данном контексте амбивалентного символа жизни и

сна-смерти, напоминает о бесчисленных поколениях предков, ставших, как и герой, частью этого мира.

Семантика пространственного образа степи в поэзии Б. Канапьянова включает в себя традиционные образы-звуки кюя, игры на домбре, топота аргамаков: «Родной степи мелодия слышна»; «...степь зачарованно слушает / Кюи Курмангазы»; «На мои отвечаешь вопросы / Отзвуками струны»; «Подступил к сердцам / Гулкий топот» [3, с. 10–68]. В поэтическом цикле «Алма-Яблоко» детали городского быта мирно сосуществуют с исконно «степными», традиционными образами – например, транзистор с домброй у студенческого костра [там же]. Тем не менее, нередко в голосе лирического героя слышится сожаление о расставании с малой родиной, тоска по аулу и почти забытым традициям: «И вечная плачет домбра / О том, что в степи затерялся ребёнок» [3, с. 36]. В стихотворении «Родной очаг» герой просит: «Родной очаг, / За все прости меня. / За то, что о корнях / Я забываю. / Все получил / От твоего огня / И ничего в ответ / Не возвращаю». Степь прощает и отпускает его: «Встречать людей, / Стихи дарить, / И – жить! / Судьбой / Народу своему служить. / Благословляет степь: / – Иди, сын мой!» [3, с. 66].

В «Подарке чабана» герой беседует с добродушным хозяином, и тот замечает: «Будь гостем моим – / В этот, знаешь ли, век / Не часто гость приезжает» [3, с. 24]. Посмеиваясь, чабан рассказывает, как отказался от машины в награду: «Но на бензин не сменял я узду... / Я цветом гнедого горжусь!». Гордость чабана не разделяет его сын, однако, отец не в обиде: «С жизнью моей не знаком он. / Откуда ему, горожанину, знать / Наши степные законы?!» Тот же мотив утраты «степного» знания, памяти крови звучит в стихотворении «Кони». Мальчик-горожанин впервые в жизни видит живых «безропотных» коней на арене цирка, ребёнок смеется, а его отцу грустно: «И только отец мальчишки / С грустью смотрел на это, / Далекое детство вспомнив, / Откуда примчался конь» [3, с. 42].

Ностальгия по счастливому детству в поэтическом цикле Б. Канапьянова связана не только со степным пространством, но и с образом прекрасного южного города Алма-Аты. Это сложный многоцветный образ, включающий и урбанистические зарисовки («калейдоскоп светофоров», «дневных проспектов крик», «асфальты пахнут зноем»), и лирические описания островков городской природы. Например, в стихотворении «Арык» традиционный элемент восточного города не только оживляет городской пейзаж, но и создает атмосферу волшебной сказки из «Книги тысячи и одной ночи»: «И – сдвинута бетонная стена, / И в переулок детства открыла путь она... / И вдоль арыка плещется луна, / И ожила забытая струна – / Сердцебиение земное» [3, с. 27]. Шёпот фонтана и пение арыка сопровождают влюбленных:

«...сброшу я тяжесть разлуки, / чтобы с тобою бродить / по нашему городу / в эту зеленую ночь...» [3, с. 73].

Другая примета Алма-Аты – горы: «Как величаво высятся хребты, / Взирая по-отечески на город», «Угрюмы вершины своей сединой / И горы вдоль города встали стеной... / Фонтан ли смеётся? – Алмаатинка. / В глазах её тает горная льдинка» [3, с. 29]. «И в рифме «горы – город» есть ландшафт», отмечает автор. В стихотворении «Валун» камень, принесенный «с вершины дальней», мечтает вернуться в горы. Он ждет «нашествия / С вершин небесных глыб» [3, с. 54]. Топос горы в модели мира кочевых тюркоязычных народов традиционно соотносится с небесным царством Тенгри.

«Город зелёных ночей», «белый город в долине» в цикле «Алма-Яблоко» воплощает идеальное пространство, в котором сочетаются урбанистические и природные мотивы. Однако сердцу поэта дороже яблоневые сады, когда-то подарившие городу имя, «привившие» жителям Алма-Аты особые черты: «Нам родина – эти холмы, / Горы и город в долине. / И дети природы все мы, / Мы яблока – / Половины. / Там / Жизнь переходит в плоды, / Нас / Яблона благословила. / Мы / В яблоке ищем черты, / Что яблона нам / Привила» [3, с. 49]. В другом стихотворении лирический герой с болью констатирует: «Я родом из детства, где яблоки зноем налиты, / Где слушал в траве я стрекоз и кузнечиков музыки, / Где ветви согнулись под тяжестью спелого груза, / Где корни деревьев арычною влагой омыты, / Я родом из сада, где ныне – бетонные плиты» [3, с. 35].

Испытывая экзистенциальную вину, «железобетонной» городской осенью герой признаётся: «О степная земля, мы так пред тобой виноваты, / Что смотрим с виною и болью на эти закаты». Он склоняется перед яблоком-тотемом: «Плода нет совершеннее на свете, / Чем яблоко осеннею порой – / ...Но

ведь не имя – суть важна в предмете: / Не гармоничен будет город мой / Без яблока – дар древности земной – / Что принимают взрослые – как дети» [3, с. 50].

В поэзии Б. Канапьянова яблоко – не только символ счастливого детства, города и природы, нерасторжимого единства прошлого и настоящего. Это, в соответствии с традицией, и напоминание о любви: «Тебя звали Алма, / тебя называл / половиной зеленого города» [3, с. 64]. В имени девушки сливаются несколько дорогих поэту смыслов, намёков. Как драгоценна девичья честь, так сакрален, нерушим и город: «Парень, не так переводишь, / Меня звать – «не бери». / Имя моё, / что плод, / на который / наложен запрет. / Не так переводишь, / парень, / э, не так» [там же]. Яблоко – залог жизни, надежды и гармонии: «В коробку зерна спрятаны до срока. / Приснится мне планеты сад живой, / Плодами будет плыть над головой. / И – яблоко несёт в руке эпоха» [там же].

Бинарная оппозиция «город – степь», на наш взгляд, объективно описывает внутренний конфликт казахстанской поэзии 70–80х гг. XX в. Уход от традиционных ценностей кочевья, расставание с аульным бытом, отрыв от корней, драма болезненной душевной раздвоенности в полной мере отразились в современной казахской литературе. Однако в поэзии Б. Канапьянова образ южного города не является символом бездуховности, противопоставленным ценностям традиционной культуры. Источником противоречия оказывается сознание лирического героя – «половины спелого яблока», преодолевающего неизбежный кризис самоидентификации. В лирике Б. Канапьянова звучит вера в нашего современника – горожанина и степняка, открывающего для себя «планеты сад живой».

Литература:

1. Топорова Т.В. Об архетипе «воды» в древнегреческой космогонии // Вопросы языкознания. – 1996. – №6. – С. 91 – 99.
2. Бекетов Б.Г. Город и степь // Тамыр. – 2003. – №2. – С. 41-49.
3. Канапьянов Б. Избранное: в 2 т. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – Т. 1. – 480 с.